

УДК 316.4.06

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОМПОЗИТЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО СООБЩЕСТВА

© 2014 г.

И.А. Савченко

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

teosmaco@ramler.ru

Поступила в редакцию 02.06.2014

Проводится краткий теоретико-эмпирический анализ роли экономического фактора в динамике социокультурных процессов, которому в ряде случаев уделяется незаслуженно мало внимания в социологии. Обосновывается тезис, что экономические составляющие социокультурной безопасности весьма значительны, однако они реализуются вкуче с ценностными и политическими композитами социокультурного процесса.

Ключевые слова: экономический интерес, социокультурная безопасность, межэтническое взаимодействие, инструментальные и ценностные факторы социокультурной динамики, эволюционизм, марксизм, веберизм.

Актуальные условия развития многоэтничных обществ неизбежно приводят социологов к вопросу о факторах, влияющих на социокультурную безопасность. В этом направлении исследовались политические (Дж. Брейи [1], М. Манн [2]) и социально-культурные (Б. Андерсон [3], М. Шадсон [4], Р. Брубейкер [5]) стороны социокультурного развития. В западной социологии достаточно внимания уделяется также экономическим движущим силам социокультурного развития, особенно в рамках индустриального конструктивизма (Э.Д. Смит [6], Э. Геллнер [7], Т. Нэйрн [8], К. Дойч [9]). Это направление можно рассматривать как квинтэссенцию западнцентристской парадигмы (эволюционизм [10–12], марксизм [13, с. 96–101; 102–107]; [14], веберизм [15, 16], [см. также: 17, 18]), в русле которой обосновывается модернизирующее влияние индустриальной культуры на традиционные общности.

В отечественной науке преобладает тенденция к объяснению социокультурных процессов ценностными категориями: Л.М. Дробижева [19], И.А. Савченко [20], Т.Г. Исламшина [21]. Поиску инструментальных (и прежде всего экономических) факторов, влияющих на социокультурную безопасность, уделяется гораздо меньшее внимание (И.А. Савченко [22], И.А. Треушников [23]).

Достаточно распространено мнение, что именно ценностный и даже ценностно-психологический [24, с. 195–196] подходы обеспечивают глубину социокультурного анализа, в то время как подходы социально-экономического толка являются поверхностными. Так, А. Потылико, изучая историю коренных американцев, объясняет их геноцид пресловутым конфликтом

ценностей. Автор убежден, что для индейцев не нашлось места в «цивилизации белого человека», «ибо люди, нравственно превосходившие своих поработителей... не могут принять более примитивную мораль и смириться с тем, что в новом обществе о деньгах все равно вспоминают чаще, чем о Боге» [25]. Нравственное превосходство индейцев над европейцами, по мнению А. Потылико, заключалось в соблюдении законов чести, человеколюбия, отсутствии страсти к наживе.

Частично оглашаясь с автором, мы вынуждены признать, что уничтожение индейцев, увы, объясняется не только и не столько ценностными факторами. Первая и основная причина геноцида коренных американцев – исключительно экономическая. Вот что писал об этом А.Д. Агеев в книге «Сибирь и американский Запад: движение фронтиров»: «Истребление индейцев не было актом ни злого умысла, ни злой воли. Индейцев уничтожил капитализм. Капитализм экспроприрует (или разрушает) материальную базу (собственность) докапиталистических укладов. Индейская трагедия усугубилась тем, что у них не просто была экспроприрована земля (которую надлежало превратить в средство производства); они лишились «места жительства», вследствие чего их жизненный уклад был разрушен» [26, с. 200]. Действие экономических причин геноцида индейцев дополнялось соответствующими политическими решениями, которые оформляли умысел и волю капиталистов [26, с. 201].

События последних лет и даже месяцев заставляют задуматься о комплексном подходе к проблемам социокультурной безопасности [27].

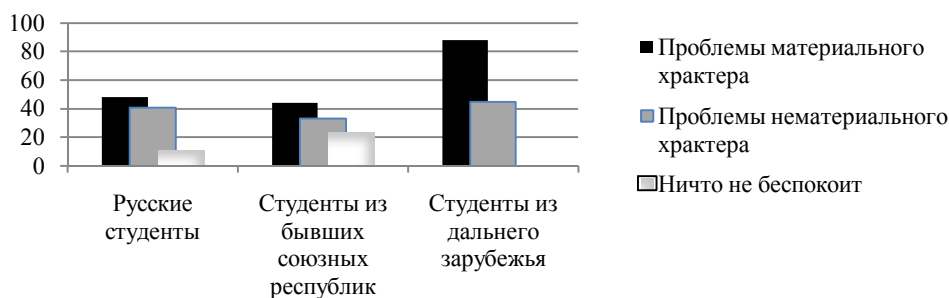

Диаграмма 1. Степень представленности (в %) экономических и неэкономических интересов в ответах на вопрос «Что Вас беспокоит в жизни сегодня?»

На наш взгляд, инструментальные и ценностные факторы социокультурного баланса/дисбаланса нужно рассматривать целостно, а не обособленно друг от друга. Отрицание экономического фактора социокультурной безопасности так же неверно, как и его абсолютизация, что мы и попытались показать в небольшом социологическом исследовании (2011–2012 гг.). Мы провели эмпирический блиц-срез в трех выборках: русские студенты, студенты из стран ближнего зарубежья, студенты из стран дальнего зарубежья.

В опросе русских студентов участвовали 215 человек в возрасте от 19 до 21 года. Все они обучаются в Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева. Мужчины среди них составили 52%, женщины – 48%. Все русские студенты являются гражданами России.

Вторая выборка – студенты из так называемого ближнего зарубежья. В опросе студентов из стран СНГ приняли участие 253 респондента, из которых 60% – женщины, 40% – мужчины. Все респонденты достаточно молоды: 47% не достигли 20-летнего возраста, 36% – в возрасте 21–25 лет, 13% – в категории от 26 до 30 лет и только 4% – 31–35 лет. Большинство (93%) не состоят в браке. Все опрошенные в настоящее время проживают в Нижнем Новгороде. Из них в общежитии – 47%, остальные 53% – на съемной квартире (из них один (одна) – 13%, с друзьями (подругами) – 6%, с семьей – 36%).

Национальность опрошенных: белорусы – 19%, абхазы – 3%, литовцы – 3%, эстонцы – 5%; украинцы – 17%, грузины – 10%, армяне – 17%, азербайджанцы – 10%, таджики – 3%, туркмены – 3%, молдаване – 8%. При этом 47% опрошенных являются гражданами России, 10% – Беларуси, такое же количество граждан Азербайджана и Грузии, 23% – граждане Украины.

Третья выборка – студенты из дальнего зарубежья. Опрашивались африканцы (43%), индусы (16%) и китайцы (41%). Возраст респондентов – 21–25 лет, среднее время пребывания в

России у африканцев и индусов – 3 года, у китайцев – 5 лет.

Все студенты, принявшие участие в опросе, обучаются в вузах Нижнего Новгорода: Нижегородском государственном техническом университете им. Р.Е. Алексеева, Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского, Нижегородской государственной медицинской академии, Нижегородском государственном архитектурно-строительном университете.

Прежде всего нас интересовало, какое место материальные проблемы занимают в жизни исследуемых культурных групп, поэтому был задан вопрос: «Что Вас беспокоит в жизни сегодня?»; вопрос был открытым. Отвечая на данный вопрос, 48% русских студентов указали материальные проблемы, включая и такие понятия, как «денежный вопрос», поиск работы с оптимальным заработком, приобретение квартиры или машины, организация собственного дела. При этом 41% высказали беспокойство по вопросам, не имеющим прямого отношения к экономическому интересу. А 11% указали на отсутствие «беспокойства» как такового, не указав ни материального, ни какого-либо иного вида беспокойства (см. диаграмму 1).

Число «ничем не обеспокоенных» еще больше у студентов из республик бывшего Советского Союза – 23%. Примечательно, что среди этих студентов немало тех, кого волнуют вопросы нематериального плана (33%): учёба – 10%, место в обществе – 11%, здоровье – 4%, проблема межнациональных конфликтов – 8%. Между тем у студентов-мигрантов из бывших союзных республик наибольшую обеспокоенность продуцируют, как и у русских, проблемы экономического характера – 44%: материальные сложности – 23%, поиск работы – 17%, приобретение собственной квартиры – 4%.

Если у русских студентов и мигрантов из бывшего Советского Союза озабоченность проблемами материального плана преобладает, то у студентов-иностранцев материальные проблемы явно доминируют (88%). Так, в ответе на

вопрос «Что Вас беспокоит в жизни сегодня?» африканцы в своем большинстве указывают «материальные трудности» (95%): индусы (88%) и китайцы (75%) – «деньги» (88%), при этом приобретением собственной квартиры в среднем озабочены не более 2% иностранцев (примерно поровну в трех группах иностранных студентов).

Однако здесь обнаружилась любопытная тенденция. Если в двух предыдущих выборках респонденты четко распределялись на обеспокоенных материальными и нематериальными проблемами и не обеспокоенных ничем, то в среде иностранных студентов ситуация оказалась совершенно иной.

Во-первых, среди иностранцев не оказалось ни одного человека, заявляющего, что его «ничто не беспокоит». Во-вторых, наряду с проблемами экономического плана иностранцев в высочайшей степени волнуют и другие вопросы. Так, африканцев беспокоит «учеба» (81%), китайцев – «безопасность своей жизни» (79%), индусов – «неуверенность в завтрашнем дне» (92%). Меньше значения иностранные студенты из всех трех опрашиваемых групп придают таким проблемам, как место в обществе – 10%, здоровье – 4%, межнациональные конфликты – 6%.

Итак, что же мы видим? У русских и мигрантов из республик бывшего Союза не обнаруживается явного преобладания экономического интереса над другими. Конечно, проблемы материального характера вроде бы преобладают над нематериальными, однако если поставить на одну чашу весов экономический интерес (48% у русских и 44% – у мигрантов), а на другую – его отсутствие (сумма проблем нематериального характера и ответов «меня ничто не беспокоит»), то вторая чаша явно перевесит – 52% у русских и 56% – у мигрантов.

При этом у иностранцев (88%) наблюдается пик материальной обеспокоенности, полное отсутствие «ничем не обеспокоенных» и умеренная обеспокоенность нематериальными интересами (45%).

Анализ данных, полученных в трех выборках, позволяет сделать определенные выводы. Во-первых, очевидная малая интегрированность иностранцев способствует тому, что экономический интерес становится главным жизненным мотивом. Судя по всему, на ранних этапах культурной адаптации именно материальный фактор является основным для представителя меньшинства в новом для него сообществе. При этом иностранец находится в состоянии социального стресса, или, как принято говорить, культурного шока, поэтому состояние «обеспокоенности» становится почти нормой.

Во-вторых, когда интегрирование в новую социальную систему идет интенсивно и появляются определенные успехи, а мигрант ощущает себя не менее, а в ряде случаев даже более социально адаптированным, нежели коренной житель, наступает эффект экономической интеграционной эйфории. Пример – наименьшая представленность экономической озабоченности (44%) и высокий показатель внутреннего спокойствия (23%) – «меня ничто не беспокоит» у студентов из ближнего зарубежья. Нюансы этого эффекта прослеживаются в словах А. Ованесяна, сына армянских иммигрантов в США: «Я с большим опозданием осознал, что сталкивался с этническими предубеждениями, правда, едва уловимыми, когда искал работу по избранной мной специальности. Но надо сказать и следующее: потом у меня не раз появлялись большие возможности по продвижению, чем у некоторых настоящих американцев, причем в немалой степени из-за моего происхождения и благодаря тому, что мне удавалось представить это обстоятельство в выигрышном для себя свете» [28, с. 71].

В третьих, «исконная интегрированность», в нашем случае характерная для русских, дает умеренные показатели «ничем не обеспокоенных (11% – вдвое меньше, чем у мигрантов из бывших союзов республик)» и экономической обеспокоенности (48%). Последнее наблюдение достаточно неоднозначно: то, что у русских экономическая обеспокоенность больше, чем у мигрантов из ближнего зарубежья, можно, конечно, объяснить «отсутствием беспричинной эйфории и адекватным восприятием экономической ситуации и себя в ней». Но можно также посмотреть несколько глубже: не представляется ли части русского населения его «исконная» экономическая интегрированность в определенной степени нарушенной в условиях полиэтничности экономической жизни?

Собственно, следующий вопрос позволил уточнить место экономического интереса в ряду других движущих сил социокультурного процесса. На этот раз предполагался множественный выбор из предложенных восьми ответов на вопрос «В каких ситуациях Вы сильнее всего ощущаете связь со своим народом?». Из этих ответов к экономическому интересу имеют отношения лишь два: «Когда понимаю, что карьера и профессиональный рост представителей моего народа тормозятся из-за их национальной принадлежности» и «Когда вижу, что на землю, принадлежащую моему народу, и ее природные богатства претендуют другие народы». Остальные вопросы связаны с культурно-истори-

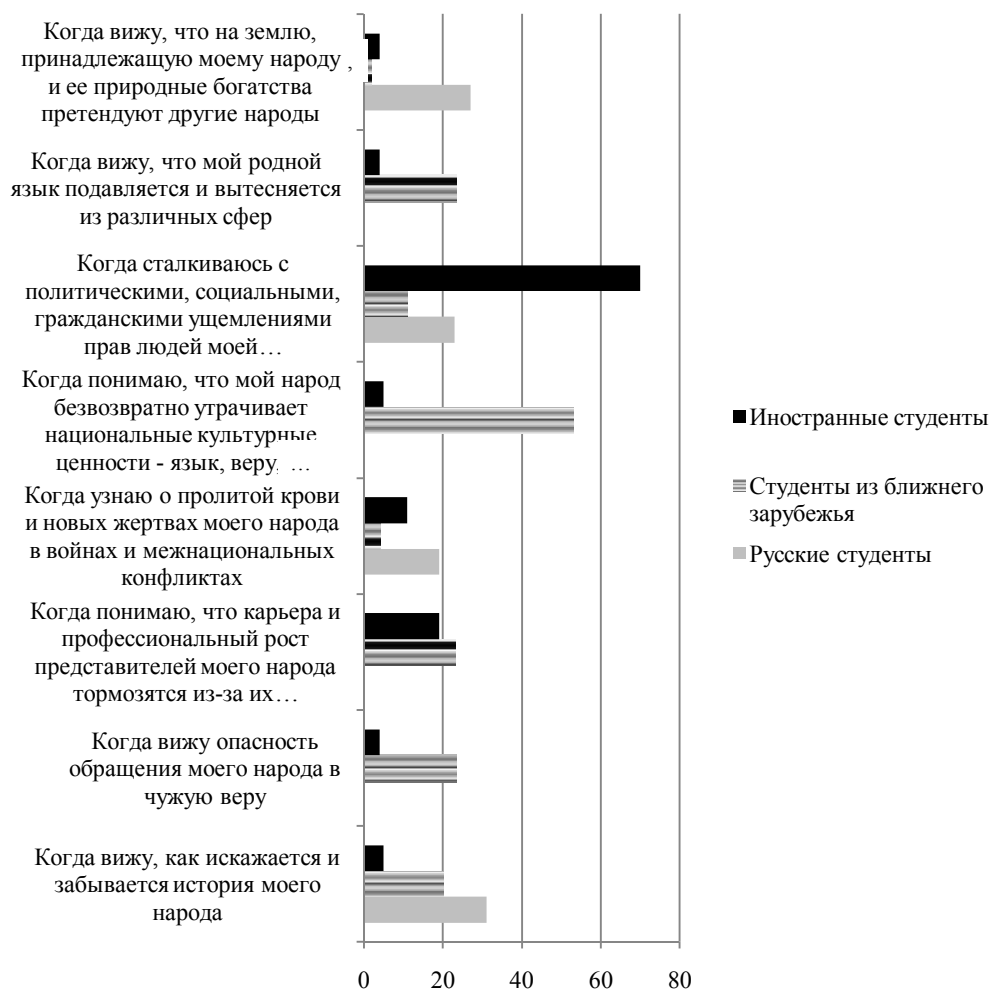

Диаграмма 2. Ситуации, обостряющие связь студентов со своим народом. Вопрос «В каких ситуациях Вы сильнее всего ощущаете связь со своим народом?» (укажите не более 3 вариантов)

ческим наследием, политико-правовыми, лингвистическими факторами.

Что же нам удалось обнаружить? Экономический интерес занимает далеко не первое место среди факторов, связывающих индивида со своим народом (см. диаграмму 2).

Здесь лидируют иные факторы: у наименее интегрированных (иностранцев) — политико-правовой показатель (70%), и это неудивительно, поскольку слабая интегрированность рождает чувство политической притесненности, гражданской несправедливости и правовой незащищенности. У интенсивно адаптирующихся мигрантов из ближнего зарубежья доминирует стремление противостоять аутомаргинализации в принимающем сообществе и сохранить культурную идентичность. На ранних этапах интегративного движения (как у иностранцев), когда принадлежность исконной группы является естественной и органичной, а принимающее сообщество воспринимается как абсолютно чужое, этот вопрос неактуален, поскольку еще

не осознаются возможные последствия жизни в ином сообществе, такие как маргинальность, утрата идентичности, разрыв связи поколений и т.д.

«Пирамида потребностей» Маслоу помогает в какой-то мере понять трансформацию значимости экономического интереса и приоритетов членов многоэтничного общества. Так, в начальной фазе вхождения в новый социум, представленной иностранными студентами, актуальны низшие потребности, связанные с элементарным выживанием в чуждой среде, то есть сугубо материальные (самый нижний ряд потребностей). Это мы видели при анализе ответов на вопрос «Что Вас беспокоит в жизни сегодня», и потребности в безопасности и защите (потребности второго ряда), выявленные при вопросе о ситуациях, обостряющих связь со своим народом.

Далее (что характерно для мигрантов из республик бывшего Советского Союза), когда удовлетворение элементарных потребностей

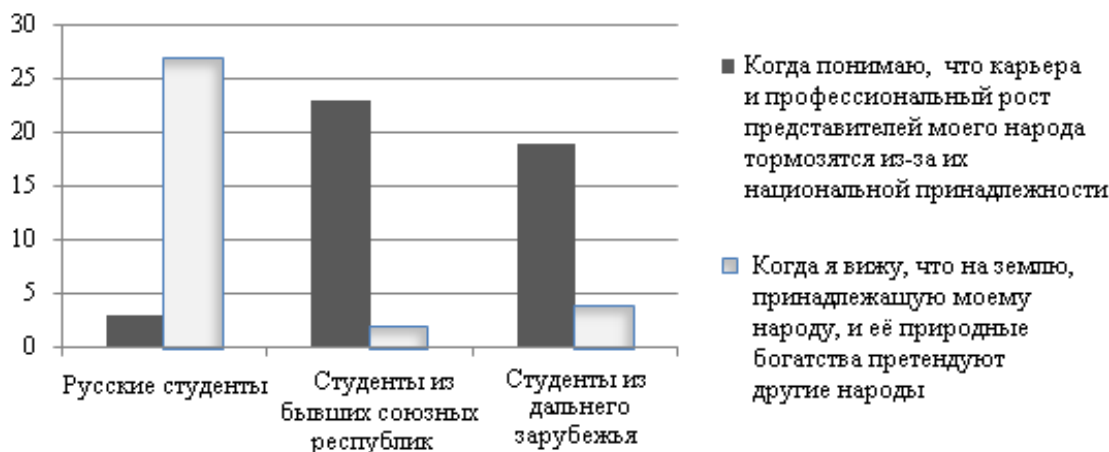

Диаграмма 3. Экономические «векторы» единения индивидов со своим этносом (из ответов на вопрос, «В каких ситуациях Вы сильнее всего ощущаете связь со своим народом?»)

(экономические интересы и интересы собственной безопасности) отодвигается на второй план и становится все менее сложным и более доступным, актуализируются потребности третьего ряда. Эти потребности в принадлежности к группе обретают важность потому, что мигранты начинают ощущать пошатнувшееся групповое единство и угрозу своей социальной принадлежности. Именно поэтому 53% выходцев из бывшего Союза из ситуаций, обостряющих связь со своим народом, выделяют понимание того, что их народ «безвозвратно утрачивает национальные культурные ценности – язык, веру, интерес к жизни».

Наконец, у русских связь со своим народом наиболее остро ощущается, когда люди видят, как «искажается и забывается история их народа» (29%). Здесь можно сказать об обострении потребности третьего ряда – потребности в престиже политического и культурного характера. Гордость за свой народ и его историческое прошлое – явные элементы престижа, но не экономического уровня. Когда русские люди узнают о якобы «посредственной роли их народа во Второй мировой войне», о разрушении исторических памятников в бывших республиках СССР и т.п., осознание разрушения престижа принадлежности к великому народу становится очень травматичным. Надо признать, что анализ соотношения искажения исторической памяти и престижа – достаточно поверхностный научный комментарий, как и в целом концепция потребностей Маслоу. В реальности данный вопрос беспокоит русских потому, что наносится удар по их единству, по их существованию как народа, по самому сокровенному – по той самой гумилевской «общей исторической судьбе».

Итак, социокультурное развитие может стимулироваться разными импульсами. Среди них

всегда присутствует и экономический интерес, но его значимость явно не универсальна.

Данные, полученные благодаря вопросу о ситуациях, обостряющих связь со своим народом, позволили нам не только обнаружить динамику роли экономического интереса в системе других факторов социокультурного развития, но и пролить свет на неоднородность экономических приоритетов и их неодинаковую значимость. На диаграмме 3 показана разная интерпретация экономического интереса разными группами студентов.

Очевидно явное преобладание у мигрантов как из ближнего (23%), так и из дальнего (19%) зарубежья ответов «Когда понимаю, что карьера и профессиональный рост представителей моего народа тормозятся из-за их национальной принадлежности». Такой ответ указывает на закономерное желание «пробиться» и укрепиться в новом сообществе, в такой ситуации любые неудачи воспринимаются как формы ущемления, что нередко становится поводом для спекуляций со стороны этнических меньшинств. При этом масштабные интересы, связанные с экономикой родной страны («Когда вижу, что на землю, принадлежащую моему народу, и ее природные богатства претендуют другие народы»), для мигрантов явно не актуальны: в новом сообществе экономическое развитие своих отечеств мигрантов беспокоит очень слабо: 2% у выходцев из ближнего зарубежья и 4% у иностранцев.

Обсуждаемый вопрос крайне актуален для русских: для 25% крайне тягостно видеть, как «на землю, принадлежащую народу, и ее природные богатства претендуют другие народы». Такой «развернутый» надындивидуальный экономический интерес можно понимать узко – как протест против засилья мигрантов в экономике. Но чем тогда объяснить, что только 2% русских

ощущают ущемление своих экономических интересов по этническому признаку («Когда понимаю, что карьера и профессиональный рост представителей моего народа тормозятся из-за их национальной принадлежности»)? По-видимому, выявленная эмпирическая картина указывает на сопротивление русских утрате той самой «исторической судьбы» и в экономике тоже. В этом случае мы видим, как экономический интерес лишь подкрепляет факторы иного порядка.

Казалось бы, наше исследование дало вполне ожидаемые результаты, выраженные количественно. Влияние экономического интереса на социокультурный процесс велико, но оно имеет пределы. Напомним, что сторонники экономического детерминизма, или экономизма (М. Мандельбаум [29, р.19], Р. Вэйринен [30, с. 47], К. Дойч [31, с. 190–200]) настаивают, что рынок создает условия для сотрудничества и интеграции экономических интересов, которая, в свою очередь, становится базой социокультурного баланса.

Теоретики инверсивного экономизма (Р. Пертелла [32], Р. Гэрр [33]), напротив, замечают деструктивные явления, провоцируемые столкновением экономических интересов (борьбой за рабочие места, экономические ниши, территорию). В теориях зависимого развития (Ж. Баландье [34, с. 57–94], А.И. Неклесса [35, с. 11–78] и др.) также развивается тезис о том, что экономическое взаимодействие между общностями разных типов (традиционного и индустриального) не стимулирует, а тормозит процессы социокультурной стабилизации. В науке имеют место «контрэкономистские» утверждения о преувеличении воздействия экономического фактора на социокультурные процессы (Д. Горовиц [36, с. 55–56]; У. Коннор [37, с. 116–118]; К. Барановский [38, с. 65]).

Все эти позиции так или иначе согласуются с результатами нашего опроса, который показал, что экономический фактор в достаточно высокой степени влияет на процессы социокультурного контакта, но постоянно взаимодействует с иными факторами – политическими, ценностными, а также явлениями обыденного (повседневного) порядка. Соглашаясь с неправомерностью абсолютизации экономического фактора, следует признавать его значимость, подкрепляемую эмпирическими данными. Внимание к экономическим факторам делает более комплексными и последовательными действия, направленные на обеспечение социокультурной безопасности полиэтничного сообщества.

Список литературы

1. Breuilly J. Nations, states, and violence // *International history review*. 2009. № 31 (3). P. 706–708.

2. Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, угасание // Сб. статей: *Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002. С. 381–405.

3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.

4. Шадсон М. Культура и интеграция национальных обществ / *Международный журнал социальных наук*. № 3 (6), 1994. С. 82–90.

5. Brubaker R. *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 216 p.

6. Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.

7. Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

8. Nairn T. *Faces of Nationalism: Janus Revisited*. L.: Routledge & Paul, 1998. 260 p.

9. Дойч К.У. *Рост наций. Этнос и политика: Хрестоматия*. М.: УРАО, 2000. С. 111–115.

10. Сен-Симон А. Катехизис промышленников / О. Конт. Катехизис промышленников, или Система позитивной политики. М.: Либроком, 2011. С. 16–97.

11. Спенсер Г. *Личность и государство*. М.: Социум, 2007. 208 с.

12. Конт О. *Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении*. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.

13. Маркс К., Энгельс Ф. *Британское владычество в Индии. Избранные сочинения в 9-ти т. Т. 4*. М.: Политиздат, 1986. С. 96–101, 102–107.

14. Энгельс Ф. *Роль насилия в истории*. М.: Кн. дом «Либроком», 2011. 64 с.

15. Вебер М. *Отношения этнической общности* // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2004. № 2. С. 8–21.

16. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 44–414.

17. Хабермас Ю. *Теория рационализации Макса Вебера* // *Социологическое обозрение*. 2009. Т. 8. № 3. С. 37–60.

18. Хабермас Ю. *Модернизация как общественная рационализация: роль протестантской этики* // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9. № 3. С. 3–25.

19. Дробижева Л.М. *Социально-культурная дистанция как фактор межэтнических отношений* // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. М., 1997. С. 49–51.

20. Савченко И.А. *Мировоззренческие ориентиры в межкультурной коммуникации: интегративно-дезинтегративный аспект* // *Гуманизация образования*. 2010. № 7. С. 45–53.

21. Исламшина Т.Г. *Этнические ценности полиэтничного общества: Социологический очерк*. Казань: КГТУ, 1996. 247 с.

22. Зайцева Е.А., Савченко И.А. Экономический интерес и социокультурная интеграция // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 2. С. 332–339.
23. Треушников И.А., Париков О.В. Экономическая безопасность – экономический рост – православные ценности // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2005. № 5. С. 55–59.
24. Налчаджян А.А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000. С. 195–196.
25. Потылико А. Североамериканские индейцы: жертвы собственного нравственного превосходства // Месоамерика глазами русских первопроходцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mesoamerica.ru/indians/north/victims.html> (Дата обращения 21.10.2013).
26. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Иркутск: Иркутский ун-т, 2002. 295 с.
27. Антонова Л.Л., Полышкевич О.А. Социокультурная безопасность и консолидация общества // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 12. С. 395–47.
29. Ованесян А. Кто же я? / Что значит быть армянином? Отклики на публикацию в журнале «Арагат» (завершение темы) / Диаспоры. № 1. 2002. С. 715–76.
30. Mandelbaum M. The new European diasporas: national minorities and conflict in Eastern Europe / M. Mandelbaum. – Wash.: Council on Foreign Relations, 2000. 322 p.
30. Väyrynen R. New directions in conflict theory. Conflict resolution and conflict transformation. L.: Routledge, 1991. 240 p.
31. Дойч К.У. Национальная интеграция: обзор основных концепций // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 190–200.
32. Petrella R. Nationalist and Regionalist Movements in Western Europe / Ch.R. Foster. Nations without States: Ethnic Minorities in Western Europe. N.Y., Praeger, 1980. P. 26–28.
33. Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington DC: US Institute of Peace Press, 1993. 448 p.
34. Баландье Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир. 204 с.
35. Неклесса А.И. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб.: Алетейя, 2000. С. 11–78.
36. Горовиц Д.Л. История и культура решения конфликтов в Соединенных Штатах // Расы и народы: соврем. этн. и расовые проблемы: Ежегодник / Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. 1997. Вып. 24. С. 49–58. С. 49–58.
37. Коннор У. Соблазн экономических объяснений // Этнос и политика: Хрестоматия. М.: УРАО, 2000. С. 116–118.
38. Барановский К.Ю. Квебекский сепаратизм – острая проблема канадской федерации // США – Канада: экономика, политика, культура. 2001. № 11. С. 63–84.

ECONOMIC COMPOSITES OF A POLYETHNIC COMMUNITY'S SOCIO-CULTURAL SECURITY

I.A. Savchenko

A brief theoretical and empirical analysis of the role of economic factors in the dynamics of socio-cultural processes is presented. In some cases, such factors are undeservedly overlooked in sociology. We prove the thesis that the economic components of socio-cultural security are quite considerable, but they are implemented together with the value and political composites of the socio-cultural process.

Keywords: economic interest, socio-cultural security, interethnic interaction, instrumental and value factors of socio-cultural dynamics, evolutionism, Marxism, Max Weber's theory.

References

- Breuilly J. Nations, states, and violence // International history review. 2009. № 31 (3). P. 706–708.
- Mann M. Nacii-gosudarstva v Evrope i na drugih kontinentah: raznoobrazie form, razvitie, neugasanie // Sb. statej: Nacii i nacionalizm. M.: Praksis, 2002. S. 381–405.
- Anderson B. Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostranении nacionalizma. M.: Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
- Shadson M. Kul'tura i integraciya nacional'nyh obshchestv / Mezhdunarodnyj zhurnal social'nyh nauk. № 3 (6), 1994. S. 82–90.
- Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 216 p.
- Smit Eh.D. Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. M.: Praksis, 2004. 464 s.
- Gellner Eh. Nacii i nacionalizm. M.: Progress, 1991. 320 s.
- Nairn T. Faces of Nationalism: Janus Revisited. L.: Routledge & Paul, 1998. 260 p.
- Dojch K.U. Rost nacij. Ehtnos i politika: Hrestomatiya. M.: URAO, 2000. S. 111–115.
- Sen-Simon A. Katekhizis promyshlennikov / O. Kont. Katekhizis promyshlennikov, ili Sistema pozitivnoj politiki. M.: Librokom, 2011. S. 16–97.
- Spenser G. Lichnost' i gosudarstvo. M.: Sotium, 2007. 208 s.
- Kont O. Duh pozitivnoj filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii. Rostov n/D: Feniks, 2003. 256 s.

13. Marks K., Ehngel's F. Britanskoe vladychestvo v Indii. Izbrannye sochineniya v 9-ti t. T. 4. M.: Politizdat, 1986. S. 96–101, 102–107.
14. Ehngel's F. Rol' nasiliya v istorii. M.: Kn. dom «Librokom», 2011. 64 s.
15. Veber M. Otnosheniya ehtnicheskoj obshchnosti // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2004. № 2. S. 8–21.
16. Veber M. Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. S. 44–414.
17. Habermas Yu. Teoriya racionalizacii Maksa Vebera // Sociologicheskoe obozrenie. 2009. T. 8. № 3. S. 37–60.
18. Habermas Yu. Modernizaciya kak obshchestvennaya racionalizaciya: rol' protestantskoj ehtiki // Sociologicheskoe obozrenie. 2010. T. 9. № 3. S. 3–25.
19. Drobizheva L.M. Social'no-kul'turnaya distanciya kak faktor mezhehtnicheskikh otnoshenij // Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvah. M., 1997. S. 49–51.
20. Savchenko I.A. Mirovozzrencheskie orientiry v mezhkul'turnoj kommunikacii: integrativno-dezintegrativnyj aspekt // Gumanizaciya obrazovaniya. 2010. № 7. S. 45–53.
21. Islamshina T.G. Ehtnicheskie cennosti poliehtnichnogo obshchestva: Sociologicheskij ocherk. Kazan': KGTU, 1996. 247 s.
22. Zajceva E.A., Savchenko I.A. Ehkonomicheskij interes i sociokul'turnaya integraciya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 2. S. 332–339.
23. Treushnikov I.A., Parilov O.V. EHkonomicheskaya bezopasnost' – ehkonomicheskij rost – pravoslavnye cennosti // Ehkonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2005. № 5. S. 55–59.
24. Nalchadzhyan A.A. Ehtnopsihologicheskaya samozashchita i agressiya. Erevan: Ogeban, 2000. S. 195–196.
25. Potyliko A. Ceveroamerikanskije indejcy: zhertvy sobstvennogo npravstvennogo prevoskhodstva // Mesoamerika glazami russkikh pervoprophodcev. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.mesoamerica.ru/indians/north/victims.html> (Data obrashcheniya 21.10.2013).
26. Ageev A.D. Sibir' i amerikanskij Zapad: dvizhenie frontirov. Irkutsk: Irkutskij un-t, 2002. 295 s.
27. Antonova L.L., Polyushkevich O.A. Sociokul'turnaya bezopasnost' i konsolidaciya obshchestva // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem. 2012. № 12. S. 395–47.
29. Ovanesyan A. Kto zhe ya? / Chto znachit byt' arмянinom? Otkliki na publikaciyu v zhurnale «Ararat» (zavershenie temy) / Diaspory. № 1. 2002. S. 715–76.
30. Mandelbaum M. The new European diasporas: national minorities and conflict in Eastern Europe / M. Mandelbaum. – Vash.: Council on Foreign Relations, 2000. 322 p.
30. Väyrynen R. New directions in conflict theory Conflict resolution and conflict transformation. L.: Routledge, 1991. 240 p.
31. Dojch K.U. Nacional'naya integraciya: obzor osnovnykh koncepcij // Ehtnos i politika: Hrestomatiya. M.: URAO, 2000. S. 190–200.
32. Petrella R. Nationalist and Regionalist Movements in Western Europe / Ch.R. Foster. Nations without States: Ethnic Minorities in Western Europe. N.Y., Praeger, 1980. P. 26–28.
33. Gurr T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical Conflicts. Washington DC: US Institute of Peace Press, 1993. 448 p.
34. Baland'e Zh. Politicheskaya antropologiya. M.: Nauchnyj mir. 204 s.
35. Neklessa A.I. Postsovremennyj mir v novej sisteme koordinat // Global'noe soobshchestvo: novaya sistema koordinat (podhody k probleme). SPb.: Aletejya, 2000. S. 11–78.
36. Gorovic D.L. Istoriya i kul'tura resheniya konfliktov v Soedinennyh Shtatah // Rasy i narody: sovrem. ehtn. i rasovye problemy: Ezhegodnik / Ros. akad. nauk. In-t ehtnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya. 1997. Vyp. 24. S. 49–58. S. 49–58.
37. Konnor U. Soblazn ehkonomicheskikh ob'yasnenij // Ehtnos i politika: Hrestomatiya. M.: URAO, 2000. S. 116–118.
38. Baranovskij K.Yu. Kvebeksij separatizm – ostraya problema kanadskoj federacii // SShA – Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura. 2001. № 11. S. 63–84.